

Н. И. КАРЕЕВ

Экономический материализм и закономерность социальных явлений

По поводу статьи С. Н. Булгакова «О закономерности социальных явлений» (Вопросы философии и психологии. 1896. Ноябрь—декабрь)

Статья г. Булгакова, которой я посвящаю эту критическую заметку, написана в защиту так называемого экономического материализма и сама была вызвана книгой Р. Штаммлера¹ «Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории». Эта книга, действительно, стоит того, чтобы о ней говорить. Пишущий настоящие строки сам намерен напечатать разбор этого труда и тогда коснется вопроса о том, насколько прав или не прав г. Булгаков в своих замечаниях о книге Штаммлера. Последнего мы пока оставим в покое и будем рассматривать статью г. Булгакова так, как будто бы никакого Штаммлера на свете и не существовало.

За последние годы автору предлагаемой вниманию читателя заметки пришлось довольно часто возвращаться к вопросу об экономическом материализме. Еще не прошло года с тех пор, как им была выпущена в свет целая книга об этом предмете («Старые и новые этюды об экономическом материализме»), а уже накапливается новый материал, пожалуй, для другой такой книги. К этому материалу я отношу и статью г. Булгакова.

В своих прежних работах, посвященных названному учению, мы утверждали, что оно отличается крайнею неразработанностью. Мы не меняем этого мнения и теперь. Приятно даже здесь отметить, что то же самое утверждает и г. Булгаков (с. 583—584), но едва ли только его ссылка «на общее несовершенство нашего знания» поправляет дело. Я думаю даже, что в настоящий момент экономический материализм как историко-философская или социологическая теория и сам сходит с той

позиции, на которой он возник и вырос. Сущность его, коротко говоря, в стремлении объяснить *всю* историю из *одной* экономики, почему он и есть материализм именно *экономический*, т. е. вся сила выражения «экономический материализм» заключается в прилагательном «экономический». Между тем сторонники этого учения как-то начинают склоняться к тому, чтобы заменить это прилагательное каким-либо другим.

Один из этих сторонников, воззрений коего я теперь вообще не касаюсь, предпочитает называть свою теорию материализмом диалектическим, чем центр тяжести учения переносится с экономики на диалектику. Г-н Булгаков тоже находит, что лучше называть защищаемое им понимание истории не экономическим, а социальным материализмом (с. 576). Любопытно наблюдать это вытеснение из сложного термина именно того самого момента, от которого этот термин и получил свою первоначальную окраску. Впрочем, это, конечно, неважно.

Важно то, что экономический материализм не доказал (да никогда и не старался доказать) своего основного термина, будто не только государство и право, но и вся духовная культура общества, его религия и мораль, его философия и наука, его литература и искусство вырастают, так сказать, непосредственно и во всяком случае в последнем счете *из* экономических отношений. Мы думаем, что задача доказать это равносильна знаменитым квадратуре круга и трисекции угла. Г-н Булгаков тоже не доказывает этого основного тезиса всего учения, принимая его, по-видимому, за нечто, понятное само собою. В данном случае он стоит на такой же догматической точке зрения, как и все его товарищи по защите экономического материализма. Таково мое искреннее убеждение. Но я столь же искренне убежден и в другом, именно в том, что г. Булгаков все-таки не в пример другим ищет истины, а не думает, что он ее уже нашел. В этом заключается симпатичная сторона его статьи. Г-н Булгаков не догматик и не «диалектик». Он хочет стоять на точке зрения критической философии и ожидает весьма многого от приложения принципов этой философии к проблемам социологии (с. 581 и др.). Это уже одно дает право надеяться на то, что он не устоит до конца на точке зрения экономического материализма, который зародился в диалектической метафизике Гегеля, перенесенной из области «духа» и «идеи» в область «материи» и «экономии». Мало того: если, читая его статью, мы постоянно наталкиваемся, с одной стороны, на голословные заявления о том, что экономический материализм есть-де наилучшая социологическая теория (с. 581, 582 и др.), то, с другой стороны,

столь же постоянно встречаемся с существенными уступками, каких правоверные сторонники учения не делают. Например, г. Булгаков допускает, что «производственные отношения *не непосредственно* обуславливают каждый отдельный исторический факт» (с. 582), хотя и не задается естественным вопросом, откуда же берутся посредствующие моменты.

Уступка заключается и в признании г. Булгаковым за человеческую личность значения «самостоятельной, самобытной причины» в ряду других причин, действующих в мире явлений (с. 610), против чего так ополчаются другие представители экономического материализма. Только мы спросили бы г. Булгакова вот о чем: если в истории вся суть дела заключается не в одной среде (организации производства), но и в личности, то почему он не хочет допустить, что в создании истории личность участвует не чрез одни только действия, направленные на удовлетворение потребности в пище, одежде и жилье, но и чрез действия, вытекающие и из стремления к удовлетворению духовных потребностей, хотя бы последние сами были, как то думают настоящие материалисты, продуктами чисто физиологических процессов, совершающихся в организме. Я сам этого не думаю, да и г. Булгаков, стоя на точке зрения критической философии, этого думать, конечно, не может. Если бы мы оба были, однако, материалистами и признавали в духовных потребностях лишь видоизменение потребностей чисто физиологических, то и в таком случае отличали бы потребность в «истине, добре и красоте» от потребности в пище, одежде и жилье, создающей экономическую деятельность человека, т. е., по крайней мере, для науки с философией, для морали с религией, для искусства с поэзией, со всеми их влияниями на общественные отношения, указывали бы на источник, лежащий вне экономики. Другими словами, даже самый завзятый материалист, признавая только человеческую «особь» за фактор истории, не может быть экономическим материалистом, хотя бы и упорствовал в утверждении, что мысль есть продукт мозга. Да, мозга, а не экономических отношений!

Мы не станем отмечать всех тех мест, где г. Булгаков без всяких доказательств заявляет, что экономический материализм есть единственно научная теория. Но мы не можем обойти молчанием других мест, свидетельствующих о том, что он умышленно или неумышленно игнорирует все остальные социологические теории. Эту черту сторонников экономического материализма мы отметили уже в своих «Старых и новых этюдах об экономическом материализме». В том, что это так, мы еще

более убедились, занявшись в одной новой работе, которую готовим к печати, выяснением отношений, существующих между экономическим материализмом и другими социологическими теориями. Г-н Булгаков, как и другие экономические материалисты, по-видимому, не хочет знать всей современной социологии в ее различных направлениях ни для того, чтобы из нее что-либо заимствовать, ни для того, чтобы в ней что-либо критиковать. Такова позиция всех экономических материалистов, и, конечно, они совершенно напрасно занимают такую позицию. «На существующих попытках определения общества, — говорит, например, г. Булгаков, — едва ли стоит останавливаться» (с. 585). Очень жаль, что г. Булгаков так думает: ему, по крайней мере, следовало бы показать, чем и какие именно из этих определений нехороши и почему экономико-материалистическое определение лучше. Если бы экономические материалисты внимательнее относились к социологической литературе, то, вероятно, многого они не стали бы говорить, а другое не ставили бы себе в исключительную заслугу. Г-н Булгаков очень часто вменяет в особую заслугу экономическому материализму такие вещи, которые не им были открыты и не его исключительную собственность составляют. Выходит так, будто экономический материализм впервые или чуть не впервые открыл, установил, доказал, провел на самом деле идеи естественности исторического процесса и закономерности общественных явлений и один только верно понимает и применяет эти идеи (с. 581, 584, 607 и др.), словно так-таки другим теориям все это неизвестно. С другой стороны, рассматривая те или другие частные вопросы, он точно не подозревает, что по ним существуют целые теории очень видных социологов. Например, многое у Штаммлера ему кажется новым (безотносительно к тому, соглашается ли с ним г. Булгаков или нет), а между тем он мог бы найти то же самое у таких писателей, как Лестер Уорд² (*Dynamic Sociology*, 1883), Фулье³ (*La science sociale contemporaine*, 1880) и у многих других. Г-н Булгаков даже утверждает, будто с точки зрения целесообразности социальные явления рассматривает «пока один Штаммлер (и его вероятные последователи)» (с. 609), забывая, кроме двух названных писателей, например, еще Иеринга⁴, который, как и Фулье, и Уорд, конечно, не может быть признанным за последователя Штаммлера... Очень уже замыкаются экономические материалисты в круг излюбленных идей, очень уже не любят они считаться с тем, что делается в других направлениях современной социологии! Конечно, это не внушает особого доверия к их учениям...

Одна из любимейших мыслей экономических материалистов — сведение всего разнообразия социальной жизни к единству, или единому началу (каковым и является начало экономическое). Становясь на эту точку зрения, они обрушиваются на идею взаимодействия, предполагающую существование, по крайней мере, двух (вообще же многих) независимых одно от другого начал. В этом вопросе г. Булгаков верен традициям школы. Он везде стоит за единство (с. 579, 581, 582 и др.) и с особою силой вооружается против взаимодействия (с. 578). Он находит даже, что «сторонники взаимодействия, утверждая существование нескольких самостоятельных факторов исторического развития», тем самым «отрицают особое единство наших наблюдений — общество», а потому и «упраздняют» якобы и самую социологию (с. 382). Эта аргументация заслуживает рассмотрения — и именно в связи с другими положениями, защищаемыми в статье г. Булгакова. Что у него «сторонники взаимодействия» отождествляются с «противниками социального материализма», это вовсе не личное его мнение: то же самое говорили и другие сторонники экономического материализма. Но эти последние прежде в своем стремлении к «монизму», едва ли в данном деле уместному, ссылались на единство основы (по их мнению, экономической), на которой вырастает вся культурная и социальная жизнь человечества. Совсем другое говорит г. Булгаков: по его словам, взаимодействие отрицает не столько единство этой основы, сколько единство общества, как особого предмета наших наблюдений. Если, — говорит он, — мы признаем взаимодействие, то у нас будет идти «речь лишь об одновременном действии законов биологии, психологии и т. д.» (с. 582). Г-н Булгаков думает, что такое представление «упраздняет» социологию, но ведь это он сам так сказал, что в приведенных словах к законам биологии и психологии не прибавил еще законов социологии. Что же делать, если в действительности так происходит, т. е. что одновременно действуют законы биологии, психологии и социологии? Ведь и одновременное действие законов физики и химии в организмах не упраздняет же биологии! И что значит самая эта фраза: «Особое единство наших наблюдений — общество»? Если под этим разумеется однородность социальных явлений в их отличии от явлений психических, биологических, химических и т. п., то это нисколько не мешает признавать взаимодействия между этими однородными явлениями (например, между правом и народным хозяйством, как одинаково социальными явлениями). Если же единство относится здесь к самому обществу, т. е. последнее мыслится,

как нечто единое, в коем нет и быть не может многого («нескольких самостоятельных факторов»), то ведь это же неверно! Г-на Булгакова ужасает, что сторонники взаимодействия «признают несколько рядов причинной связи, действующей в одном и том же предмете» (с. 582). Этот «один и тот же предмет» — общество, но кто же решится утверждать, что в нем только один ряд причинной связи? Г-н Булгаков за каждым человеком признает значение «самостоятельной, самобытной причины» (с. 610), а раз это так, то почему же все члены общества и не суть вот эти самые многие факторы, о коих говорят сторонники взаимодействия? И действительно, самое общество есть, в конце концов, продукт взаимодействия личностей. Конечно, с другими экономическими материалистами г. Булгаков должен признавать значение среды, как фактора, но не в пример другим последователям той же теории он признает и личность, а тогда почему бы ему и тут не допустить взаимодействия между личностью и средой?

Пусть, впрочем, г. Булгаков не признает взаимодействия между личностью и средой; пускай даже он не признает культурно-социального взаимодействия личностей в обществе (ср. с. 585, где дается определение общества), — многие собственные его положения могут быть признаны лишь под условием допущения взаимодействия. Вот тому примеры. Г-н Булгаков говорит, что «процесс исторического развития совершается противоречиями, социальными конфликтами», и в этом, по его мнению, «состоит диалектический процесс истории». Такое противоречие он усматривает главным образом «между производительными силами данной эпохи и устарелым правовым порядком». Но между хозяйством и правом не могло бы, по собственному его заявлению, возникать конфликта, если бы существовала непосредственная механическая причинная связь между правом и хозяйством (с. 595). Действительно, полного совпадения права с хозяйством не существует, но это, по нашему мнению, указывает на то, что право зависит еще от чего-то, кроме хозяйства, и что оно не есть простая функция последнего. По-видимому, г. Булгаков склоняется к той мысли, что правом обеспечиваются лишь имущественные интересы, как будто оно не призвано обеспечивать еще прав личности, ее жизни, свободы, достоинства и чести. Раз, однако, он признает, коротко выражаясь, возможность несовпадения права и хозяйства, он должен допустить, что существует нечто нарушающее их единство (как формы и материи одного и того же явления), а это значит, что у права есть свои особые источники; если же

при этом допускается возможность конфликта, то тем самым молчаливо признается не только гетерогенность права и хозяйства, но и необходимость взаимодействия между ними: конфликт именно и состоит в действии и противодействии. Восставая против идеи взаимодействия за то, что она требует признания нескольких факторов, чем нарушается единство, г. Булгаков сам, однако, утверждает, что «противоречивые элементы составляют самую сущность современного хозяйства» (с. 606). Говоря таким образом, не признает ли тем самым г. Булгаков «нескольких рядов причинной связи, действующих в одном и том же предмете» (см. выше), а потому и сам не отрицает ли «особого единства наших наблюдений» (см. выше) — хозяйства? В нем он различает отрицательную и положительную сторону (с. 606): не значит ли, что они имеют разные основы, ибо иначе не было бы между ними конфликта, — и что конфликт этот состоит в их взаимодействии? Одна сторона стремится разрушить другую, действуя на нее, а эта другая сторона, противодействуя первой, стремится удержать за собою свою позицию. Конфликт есть один из видов взаимодействия. Во всяком случае, аргумент, выдвигаемый г. Булгаковым против взаимодействия, обязывал бы его самого строже держаться неблагоприятного отношения ко всякой мысли, заключающей в себе отрицание «единства наших наблюдений».

Мы только что сказали, что г. Булгаков не признает непосредственной причинной связи между правом и хозяйством, и мы ему в этом сочувствуем, ибо не разделяем воззрения на исключительно материально-экономическое происхождение права: право имеет корни, кроме экономики, и в этике. Последнего г. Булгаков, конечно, не признает; иначе он отступил бы от самого основного пункта доктрины. Но пусть даже он будет прав, и сведение права к хозяйству, как единственной его основе, верно: независимо оттого, что это противоречило бы заявлению, по которому между правом и хозяйством нет непосредственной причинной связи, разве от происхождения права из хозяйства можно было бы заключать к происхождению из хозяйства же — всей духовной культуры? Г. Булгаков даже с особенною силой настаивает на том, что связь права с хозяйством чисто причинная. Он решительнейшим образом высказывается против «телеологии в праве», замечая, что «телеологическое понимание права не может быть выведено из материалистического понимания истории» (с. 605—606). Последнее совершенно верно, но это — аргумент экономического материализма никак не против телеологического понимания права. Экономический

материализм доселе еще остается не обоснованным, а телеологическое понимание права («Цель в праве» Иеринга) как-никак, а все-таки обосновано.

Впрочем, г. Булгаков враждебно настроен не против телеологии в праве, а против телеологии вообще. В истории ему понятны только генетические процессы и совсем непонятны процессы телеологические (или антропо-телеологические, пользуясь термином Лестера Уорда). По-видимому, он не хочет понимать разницы между происхождением узора, который мороз рисует на столе, и узора, который создает художник, ставящий себе ту или другую цель. Не думает же он серьезно, что, признавая телеологичность в происхождении второго узора, мы тем отрицаем его каузальность. Между тем г. Булгаков именно настаивает на непримиримости каузальной и телеологической точек зрения (с. 600). Допустим даже, что все рассуждения его на этот счет совершенно правильны и что для познания генезиса явлений применение телеологической точки зрения не годится и что она годится только для этики (с. 601), — ведь этим все-таки экономический материализм еще не оправдывается. Г-ну Булгакову думается, что раз вопрос о целях выбрасывается из социологии, то безраздельное господство в этой науке вопроса о причинах логически приводит к экономическому материализму. Почему? Все органические воззрения на общество тоже исходят из идеи каузальности, отвергая телеологию (за что, например, Уорд и нападает на Спенсера), но это не заставляет из обращаться в веру экономических материалистов. Излюбленный г. Булгаковым принцип чисто механического объяснения применяются даже к пониманию чисто психических процессов, и если это иногда приводит к материализму, то отнюдь не к экономическому материализму. Но дело еще в том, что и уступки-то мы напрасно г. Булгакову сделали. Во-первых, в изучении социальных явлений, соединенных всегда с теми или другими действиями людей, мы не можем обойтись без антропо-телеологической точки зрения: все «хозяйство» было бы для нас совершенно непонятным явлением, если бы мы не знали тех целей, с коими люди пахут землю, разводят скот, проводят дороги, строят заводы и фабрики, ткут холст или сукно и т. д. Но раз мы во всех этих случаях лишь понимаем человеческие действия по тем целям, ради достижения коих они совершаются, не оценивая этих целей и этих действий с этической точки зрения (что, действительно, представляет из себя уже совсем иного рода умственную работу), то не приходится говорить, будто постановка вопроса о целях может иметь значение только с эти-

ческой точки зрения. Конечно, ни о какой другой телеологии в общественных явлениях мы и не думаем говорить, а *эту* телеологию следовало бы признать самому г. Булгакову, все-таки верящему в возможность для человека при известных условиях «целесообразно направлять эти действия» (с. 611). Ведь когда говорят о «цели в праве», имеют в виду не какую-нибудь другую телеологию.

Но пусть даже все это наше рассуждение неверно, — согласимся даже изгнать из социологии самое понятие цели, чтобы все свести к одной механике слепо действующих сил, — пусть будет прав г. Булгаков, когда он становится именно на эту точку зрения, не сбиваясь на другие точки зрения, мы все-таки (повторяем это еще раз) не видим необходимости из такого *механического* взгляда на историю выводить *экономическое* на нее воззрение, как то постоянно делает г. Булгаков (с. 581, 607 и др.). Механический взгляд может быть и не экономическим: вопрос в том, *как* действует сила, не предрешает вопроса о том, *что* в этой силе действует: и наоборот, экономический материализм может быть и не механическим, может быть прямо телеологическим: стоит только признать, что во всех целесообразных действиях человека проявляется один основной мотив — экономический. Сам же г. Булгаков говорит: «Материю социальной жизни составляет совместная деятельность людей, направленная (NB: понятие цели) к удовлетворению потребностей их, к коему без остатка сводится содержание жизни» (с. 586).

Совершенно напрасно также г. Булгаков утверждает, будто лишь экономический материализм «продолжил дело Дарвина, распространив принцип каузального истолкования на человеческую историю» (с. 607). Началось это дело раньше Дарвина, и оно вовсе не составляет проявления экономического материализма. Ему принадлежит только утверждение, будто «закономерность социальной жизни есть закономерность экономических явлений», в силу чего «познание этой закономерности есть познание причинного возникновения экономических феноменов» (с. 582). Но существование закономерности в общественной жизни отнюдь еще не свидетельствует о том, что эта закономерность порождается «причинным возникновением экономических феноменов». Ведь не одни же явления народного хозяйства возникают в строго причинной последовательности и потому отличаются закономерностью. Причинность господствует и в психическом мире человека, а потому и психические явления совершаются закономерно. Если даже стать на почву материализма, т. е. признать, что причины психических явлений ле-

жат в физиологических процессах, то и тогда нельзя будет утверждать, что закономерность общественных явлений обусловливается их экономической природой. Правда, г. Булгаков отличает от отдельных проявлений закономерности «общий закон, общеприложимое единство — зависимость социальной жизни от социального хозяйства» (с. 581), но ему еще нужно было бы доказать, что, кроме такого общего закона, никаких других равносильных ему не существует (например, зависимости социальной жизни от степени духовного развития отдельных человеческих рас в сравнении между собою и с высшими общежительными животными). Экономический материализм, — говорит г. Булгаков, — «требует единства закона, который соответствует единству предмета», но ведь наш автор еще не доказал, что общество есть такое строгое единство, которое не допускает и мысли о действии в нем многих факторов, могущих быть подведенными под разные категории с особым основным законом для каждого. Ведь и в организме наблюдается «единство предмета», — что же мешает действовать в нем многим законам, притом даже законам разных категорий: физическим, химическим *плюс* свои особенные, биологические? Еще более странное впечатление производит заявление г. Булгакова, что единство предмета в свою очередь «обусловлено единством пространства и времени», как «постулата нашего разума, установленного критикой познания Канта». Мы думаем, что вообще критика познания Канта тут ни при чем. Иначе из единства пространства и времени можно было бы выводить единства каких угодно произвольно взятых предметов, вроде, например, вещества, и на этом основании не допускать, чтобы оно подчинялось каким-либо другим законам, кроме химического, и чтобы в веществе, как «единстве нашего наблюдения», могло существовать какое бы то ни было множество (атомы) и разнообразие (разные категории простых тел, элементы). Вообще, г. Булгаков напрасно ставит свою тему в связь с гносеологическими вопросами, решая их по Канту. Что он решает их именно по Канту, в этом мы ему сочувствуем, но мы не видим необходимости в гносеологическом обосновании отдельных научных теорий. Гносеология устанавливает лишь общие принципы знания, а в нашем случае ограничивает область познаваемого одними явлениями, но для того, чтобы определить характер этих явлений, из гносеологии ничего уже выжать нельзя: тут должно все даваться изучением самих явлений, причем каждая категория их изучается при помощи особых методов, и если все методы должны быть основаны на логике, то каждый из них

зависит и от свойств изучаемого предмета, коих никакая гносеология установить не может. Нам думается даже, что постоянно говоря о гносеологии для оправдания экономического материализма, г. Булгаков слишком расширяет это понятие, разумея под ним и логику наук, или методологию. Например, он, по-видимому, полагает, что установление «объективного логического понятия социальности, особого объекта науки» имеет гносеологическое значение (с. 586). Но если даже автор и совершенно правильно употребляет слово «гносеология», все-таки из критики познания Канта никоим образом экономический материализм выведен быть не может. Из критицизма он еще менее может быть выведен, нежели из материализма или диалектицизма Гегеля (как это делают другие последователи учения). Мы решаемся утверждать, что попытки вывести экономический материализм из позитивизма или эволюционизма (т. е. из принципов Огюста Конта и Герберта Спенсера⁵) увенчались бы небольшим успехом.

Мы нарочно заговорили о позитивизме. Современная социология, которую г. Булгаков, как и другие экономические материалисты, совершенно игнорирует, зародилась именно в позитивизме Конта: здесь впервые поставлена была задача исследования законов, которыми управляются социальные явления. Сколько частных (и даже очень важных) ошибок ни было бы сделано на этом пути, общее понимание того, что такое закон, всегда держалось научной высоты. В «Старых и новых этюдах об экономическом материализме» нами были отмечены случаи странного понимания «законов» у некоторых представителей экономического материализма. Г-н Булгаков, приводя некоторые места из книги Штаммлера, где термин «закономерность» получает весьма неподходящее применение (с. 597 и 599), в своем разборе этих мест ни единым словом не обнаруживает, чтобы им была замечена эта особенность рассуждений Штаммлера. Мы обязались перед читателем не касаться вообще отношения г. Булгакова к Штаммлеру, но этот пункт считаем нелишним отметить.

В заключение еще об одном пункте. Экономический материализм хвалится своею особою объективностью: все, что ему противоречит, он объявляет порождением субъективизма и социального идеализма. Между тем все экономические материалисты как раз являются носителями определенного социального идеала, чем и объясняется успех экономического материализма у людей, которые далеки от интереса к чисто теоретическим вопросам.

Г-н Булгаков также одушевлен идеальным стремлением к лучшему общественному строю. Почему же ему кажется невозможным придерживаться одновременно социального идеализма и материализма? И в его груди живут две души (ср. с. 608): одна душа стремится к познанию того, что есть, как оно есть, и удовлетворяется в этом отношении экономическим материализмом; другая душа стремится выработать себе идею о том, что должно быть, и эта идея нужна этой другой душе не для того, чтобы познавать, а для того, чтобы разумно жить. Дело идет у нас о принципах познания. Г-н Булгаков совершенно верно говорит, что «объективность есть обязательность для всякого человеческого сознания», но что это «свойство есть, очевидно, вполне социального происхождения» (с. 600), этого мы никак понять не можем. Наоборот, социальное происхождение мы признаем лишь за тем субъективизмом, который г. Булгаковым в теории отрицается, но содержание которого, по-видимому, у нас обоих более или менее совпадает.

